

А.О. Степнов, С.Ф. Фоминых

ПО СТРАНИЦАМ ШТРАФНОЙ КНИГИ: СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ И ПРАКТИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА ДИСЦИПЛИНАРНОМУ НАДЗОРУ В ИМПЕРАТОРСКОМ ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1893–1899 гг.)

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Исследуется реализация системы наказаний студентов, отраженная в Штрафной книге Императорского Томского университета, как хроника психологических предпосылок массового протеста. Выдвигается положение, согласно которому целенаправленное нарушение суровых правил, регулировавших жизнь студента и вне университета, позволяет рассматривать их как практики сопротивления тотальному контролю. Отмечается, что протестный дискурс и стратегии протестных действий выстраивались по линиям коллективизации, открытого вызова и ложного уклонения, ярким проявлением чего был символический маскарад.

Ключевые слова: Штрафная книга; история студенчества; система наказаний; протестный дискурс; студенческие волнения 1899 г.; Императорский Томский университет.

24 февраля 1899 г. в Императорском Томском университете (ИТУ) среди студентов «было заметно особенное движение». С утра они не расходились после лекций. Шло обсуждение некоего вопроса, о котором руководство вуза и инспекция студенчества оставались непросвещенными. Попытки пресечь несанкционированную активность не увенчались успехом: к полудню студенты стали собираться в 1-й аудитории главного корпуса. Учащиеся Данилов и Чембаров поочередно с листа писчей бумаги зачитывали здесь для прибывающих воззвание.

Требования инспектора студентов В.П. Григоровского и его помощника Н.Ю. Корниловича о немедленном прекращении сходки не возымели должного эффекта. Больше того, с разных концов обширной аудитории стали раздаваться крики: «Ректора!». Студенты Данилов и Еланцев после очередного визита другого помощника – инспектора И.В. Краснянского – приватно посоветовали ему удалиться. «Студенты возбуждены и могут сильно оскорбить» [1. С. 199], – предупредили они.

Вскоре аудиторию почтил присутствием исправляющий должность ректора ординарный профессор по кафедре судебной медицины с токсикологией М.Ф. Попов. Разумеется, участники стихийного мероприятия не могли не знать о запрете «всяких сборищ и сходок с целью обсуждения каких-либо дел сообща, публичных речей», ведь положение это было недвусмысленно выведено в 15-м параграфе 3-го раздела «Правил для студентов университета» [2. С. 12]. Сославшись на устав, напомнил им об этом и профессор Попов, предложив подчиниться требованиям инспекции. Студенты, однако, отказались покинуть аудиторию [1. С. 199].

1899-й – год массовых студенческих волнений, охвативших университетские центры Российской империи. Начались они в Санкт-Петербурге 8 февраля, в день торжественного акта, посвященного 80-летию местного университета, когда продолжительным свистом была встречена речь ректора профессора В.И. Сергеевича, «оскорбительное» объявление кото-

рого (с предупреждением об ответственности за нарушение порядка) от 4 февраля того же года вызвало негодование в среде студентов. По окончании акта группа учащихся, не сумев перейти через перекрытый полицией Дворцовый мост в сторону Невского проспекта, направилась вдоль по набережной. На Румянцевской площади произошло столкновение студентов с отрядами конной полиции.

Хотя в докладе генерала П.С. Ванновского, составленном по результатам расследования специальной комиссии, назначенной императором по ходатайству академиков А.Н. Бекетова и А.С. Фаминцына, отмечалось, что «нарушение порядка в день годового праздника находится лишь в весьма отдаленной связи с последовавшими затем беспорядками» [3. С. 59], именно противоречивые сведения о событиях дня 8 февраля эхом пронесли по всей стране. Дошли они и до самого отдаленного университетского города России – Томска. Н.Ю. Корнилович запомнил отдельные фразы из письма, зачитанного 24 февраля в главном корпусе ИТУ студентом Ильинским: «...8 февраля, в Петербургском университете... Студентов били, жандармы топтали лошадьми, кровь лилась по тротуарам...» [1. С. 199–200].

Выоды комиссии носили компромиссный характер. Отказываясь от эскалации большого конфликта, в докладе Ванновского была избрана «мягкая» тактика: ответственность за происшедшее разделялась между учебным начальством (ректором, инспектором и его помощниками, профессорами и преподавателями С.-Петербургского университета), «смотревшим снисходительно на совершающееся в его глазах нарушение студентами установленных правил»; полицией, в частности нижними чинами с их «грубым обращением с публикою и студентами» и «самовольным употреблением нагаек»; наконец, студентами, «дозволившими себе выразить на торжественном акте публичное неудовольствие своему непосредственному начальству – ректору», «участвовавшими затем в недозволенных сходках» и «предпринявшими забастовку в целях закрытия университета» [3. С. 61–63].

К тому же необходимо добавить, что, как отмечал в заметке из сборника «Студенческое движение 1899 г.» анонимный автор, по словам редакторов В.Г. и А.К. Чертковых, «выражавший, действительно, отголосок большей и лучшей части русского общества в первый период студенческой истории», молодежь «скорее» сомневалась в «плодотворности миссии генерала Ванновского», чем наоборот [4. С. 24]. Другой аноним – студент С.-Петербургского университета в заметке из того же сборника не без иронии писал: «После доклада комиссии Ванновского, ничего существенного и всестороннего в себе не заключававшего, последовала царская резолюция: выговор студентам, полиции и обществу!» [5. С. 34].

Неоднозначным, как для современников событий, так и для потомков, представляется вопрос о характере волнений. Если Р. Пайпс видел в них «начало движения протеста против самодержавия», «не стихавшего уже вплоть до революционных событий 1905–1907 гг.», и события, «не просто предвосхитившие 1917 год, но и прямо приведшие к нему», а также, со ссылкой на мнение Е.Н. Трубецкого, начало «общего кризиса государства» [6], то один из названных анонимных авторов подчеркивал, что волнение «не было несомненно вызвано никакими политическими партиями» [4. С. 24]. Схожей позиции придерживался бывший студент 5-го курса медицинского факультета Томского университета, участник волнений 1899 г. К.М. Гречищев, так позднее вспоминая о студенческой забастовке: «Она по характеру своему не была революционным движением, а только академическим» [7. С. 393]. На очередной студенческой сходке, состоявшейся в университете 2 марта 1899 г., он произнес такие слова: «За что мы боремся? За права, достоинства человека, которых не хотят признать в студентах». И далее: «Студенту отказывают в том, в чем не отказывают каторжнику» [1. С. 210]. И спустя годы Гречищев писал о «борьбе с произволом» и «борьбе за неприкосновенность личности» как о приоритете 1899 г., который в своей стихийности и непосредственности оказался далек от 1905 и, тем более, от 1917 г.

Все это делает актуальным исследование истоков случившегося с точки зрения не столько социально-экономических и политических реалий великой империи эпохи заката, сколько локальной атмосферы бытия студенчества в университетском городе. Для этого мы обращаемся к Штрафной книге ИТУ, содержащей информацию о студентах – нарушителях правил. Записи в ней относятся к периоду с 1893/94 по 1899/1900 академические годы, т.е. времени, непосредственно предшествовавшему студенческим волнениям 1899 г. Авторство этих записей принадлежит инспекторам студентов Томского университета: сначала А.П. Пятницкому (с перерывами вел записи с 1893 до 1897 г.), а затем упомянутому уже В.П. Григоровскому (с 1898 по 1900 г.). В 1898 г. одно время записи вел временно исполняющий обязанности инспектора И.И. Пинков.

Опыт изучения данной книги, единственной в своем роде из сохранившихся по Императорскому Томскому университету, открывает для читателя повсе-

дневность, где поднадзорным оказались учеба и досуг, существование в Доме общежития и личная жизнь, политические взгляды и религиозные убеждения томского студента. Книга отражает реальность функционирования системы наказаний в университетах того периода, а также практики сопротивления студенчества тотальному контролю, что позволяет нам видеть в ней своеобразную хронику психологических предпосылок массового протеста. Нельзя не оценить и полифоничность этого источника, в котором под пером ненадежного рассказчика был зафиксирован голос студента, заключенного в пространстве «преступления и наказания».

Поступающий в первый в Сибири университет, занятия в котором начались осенью 1888 г., обязан был неукоснительно подчиняться «Правилам для студентов», строго регламентировавшим его «университетскую» жизнь от вступительных испытаний и в целом приема в вуз до посещения занятий и сдачи экзаменов и зачетов, что излагалось в особой инструкции. Правила касались не только внутриуниверситетской обыденности студента, но и жизни вне его стен. Так, в 36-м параграфе 3-го раздела мы читаем: «По получении университетским начальством сведений о таких, совершенным студентом вне университета, проступках, которые хотя и не повлекли за собою судебного преследования, но имеют предосудительный характер, ректор предлагает о сем на обсуждение правления, для постановления надлежащего решения» [2. С. 16].

Устанавливалась жесткая субординация в отношениях студента с профессорско-преподавательским составом, ректором, деканами и членами инспекции. Все распоряжения университетского начальства принимали статус внутреннего закона, и незнание их, в лучших традициях жанра, не освобождало от ответственности [Там же. С. 9].

От студента требовалось соблюдение «приличий и вежливости»; оповещение начальства о месте своего жительства, об отъездах; по первому требованию необходимо было предъявлять именной нумерованный билет, без которого вход в университет был невозможен. Студентам запрещалось курить на крыльце, «безусловно воспрещалось устройство читален, столовых, кухмистерских, а также театральных представлений, концертов, балов и других подобных публичных собраний», «участие в каких бы то ни было сообществах, землячествах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели». Отдельные аспекты личной жизни студента также регулировались параграфами «Правил», о чем будет сказано ниже.

Оговаривались и «правила о назначении студентам стипендий и пособий». Ликвидация финансовых льгот была одним из инструментов поддержания дисциплины. Лишением стипендий, пособий и права на освобождение от платы за обучение сопровождалось «взыскания» по 31-му параграфу 3-й части «Правил»: выговор с арестом и предупреждением об «удалении из университета в случае нового проступка»; увольнение из университета как по собственному прошению, так и без оно.

Существовали и более «щадящие» наказания, такие как выговор, выговор с занесением в Штрафную книгу, а также арест в карцер сроком от 24 ч до 4 недель. Карцер располагался во 2-м этаже служебного корпуса (так называемый корпус с каретниками; ныне хозяйственный корпус Томского государственного университета), что позади главного здания университета. За рассматриваемый период самому строгому заключению в карцер подверглась группа студентов, принявших участие в вечере в одном из частных домов Томска. Среди них были М.А. Курджинский, Н.В. Баканов, Ст. Горский, П.Я. Бауэрберг. Они провели в карцере две недели «с предупреждением немедленного удаления из университета в случае нового проступка» [1. С. 79]. Отметим, что часть студентов, принявших участие в вечере, учитывая их прежние нарушения, и вовсе была исключена.

Наибольшим по урону наказанием мы можем признать исключение из университета с «лишением права поступать в какие бы то ни было учебные заведения». Речь идет о намеренной маргинализации провинившегося и своеобразном его остракизме. Такому наказанию, к примеру, были подвергнуты в сентябре того же 1894 г. студенты 2-го курса Семенов и Микулин. Они были разоблачены как пассажиры парохода «Николай», на котором во время перехода из Тюмени в Томск они вместе с рядом других студентов, как писал в Штрафной книге инспектор Пятницкий, «беспобудно пили и позволили себе самые безобразные сцены». Ситуация усугубилась тем, что во время разбора дела Микулин не явился по зову инспектора. Выяснилось, что адрес в университет и жандармскому начальнику «сообщен был неверно». Это являлось непростительным нарушением правил.

Следует заметить, что сведения о лицах, которым была «воспрещена педагогическая деятельность» и которые «не должны быть принимаемы в число студентов высших учебных заведений», рассылались по всем учебным заведениям России. На их счет составлялось специальное циркулярное распоряжение министра народного просвещения. И ректор ИТУ регулярно получал списки исключенных студентов с запретом на образование из Казанского, Варшавского, Новороссийского и прочих университетов [8]. Заметим, что иные студенты, лишённые этого права в России, в частности К.М. Гречищев, продолжали учебу в зарубежных университетах. Осенью 1899 г. в Берлине даже образовалось томское землячество студентов, уволенных за участие в забастовке того года.

Бдительному контролю подвергалась жизнь в Доме общежития для студентов Императорского Томского университета. Трехэтажное каменное здание общежития было построено на собранные по инициативе члена строительного комитета ИТУ, первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского частные пожертвования с поддержкой университета и являлось предметом гордости местного академического сообщества. Студенты получали здесь не просто жилище в виде удобных и теплых комнат, но и обильный, «всегда сытный и вкусный» стол из нескольких блюд и с самоваром, читальню, где имелись газеты и журналы, «из коих

многие доставлялись редакциями бесплатно». Студент С.М. Тимашев, впоследствии профессор-медик Томского университета, вспоминал и об «очень личной библиотеке с отделом специальных медицинских пособий и учебников» [9. С. 285]. Проживание в общежитии обходилось дешевле съемных квартир, хотя благоприятные условия привлекали сюда «не только недостаточных студентов». «Общежитием пользовались и богатые студенты», – вспоминал один из первых учащихся ИТУ Л.И. Рубинштейн [10. С. 412]. Ф.М. Флоринский в письме от 19 января 1890 г. министру народного просвещения графу И.Д. Делянову писал: «Студенты сполна оценили преимущества этой жизни сравнительно с городскими квартирами и, как в прошлом году, так и новом, весьма дорожат разрешением поселиться в общежитии». Ниже в письме мы читаем: «Городские квартиры в Томске крайне неудовлетворительны (зимою большей частью очень холодны)» [11. Л. 27 об., 28].

Однако всякий претендент на место в общежитии сталкивался с жесткими условиями. Прошения подавалось через инспектора в правление университета, где решение принималось лишь по проверке «всех данных о просителях». Студент обязан был соблюдать порядок, «не нарушать спокойствия своих товарищей» и «подчиняться во всех отношениях всем органам университетского начальства на общих основаниях» [12. С. 173]. Это положение делало волю «начальства» гипотетически неограниченной. Так, несмотря на то, что, по Уставу общежития, для ведения хозяйства назначался эконо́м, в Штрафной книге имеется запись от 1 октября 1893 г.: «В общежитии крайне неряшливо содержатся ватерклозеты. Говорил по этому поводу со студентами. А чтобы скорее и успешнее приучить их к порядку, распорядился одно из отделений привести в надлежащий вид: отчасти они подправили. И что же? Через два-три дня все по-прежнему» [1. С. 16–17]. Характерна и реакция студентов на «игру не по правилам». К примеру, на попытки инспектора Пятницкого заставить студентов читать молитву, некоторые из них отвечали: «Мы поступили в общежитие при других условиях... прежняя администрация не требовала этого». Трудно было бы найти возражения на доводы инспектора, который писал о том, что «дело идет не о нарушении правил (их не было), а о приучении к ним...» [Там же. С. 15].

Пьянство, распевание песен, приглашение посторонних лиц на ночлег, проведение ночи вне общежития – все это оборачивалось порицанием, а затем и выселением из «студенческого дома». Для бдительного надзора за студентами в здании общежития была отведена квартира для помощника инспектора; здесь же постоянно находился один из дежурных педелей. Заботе о крепком сне студента должна была служить специальная книга, в которой ежедневно все проживающие в общежитии должны были ставить свои подписи до наступления полуночи. Надо сказать, что ночное возвращение в общежитие, кроме проблем с инспекцией, было сопряжено с трудностями иного рода. Университетские ворота запирались на ночь и, как вспоминал тот же Рубинштейн, в общежитие «приходилось пробираться через решетку или через

маленькую калитку» напротив театра Королева. Добавим к этому скудное керосиновое освещение улиц Томска конца XIX в., плохие тротуары, даже в центре города, «непролазную грязь», а также риск встретить на своем пути не самого дружелюбного городского обывателя. «Запоздалого прохожего, – отмечал Рубинштейн, – сопровождал стук колотушки ночного сторожа, дряхлого старика, но, к сожалению, довольно редко попадавшегося, так как сторожа предпочитали спать в будках» [10. С. 414–415].

Выговору с занесением записи в Штрафную книгу за несвоевременное возвращение в общежитие в разное время рассматриваемого периода подвергались студенты В. Лебедев, И. Архангельский, А. Спасский (многократно) и др. Среди опаздывающих были лица, указывавшие на неправомерность наказания за подобные проступки. Впрочем, прав в конечном итоге оказывался инспектор. Так, не ночевавший в общежитии с 17 по 21 ноября 1894 г. студент Н.А. Попов сослался на то, что нет «точных правил, запрещающих ночевать вне общежития». Несмотря на замечание, ночь 24 ноября он также провел в месте постороннем, а уже 1 декабря того же года после рапорта Пятницкого правление университета «предложило ему с начала 2-го полугодия оставить Дом общежития, так как он не желает подчиняться его правилам» [1. С. 89]. Ранее, 6 октября, слушателю 1-го курса И. Громову, занимавшему место в общежитии, и вообще было предложено принять обратно свои документы: ночь на 26 августа, как выяснилось, он провел в полицейском участке, «быв привлечен туда в пьяном виде» [Там же. С. 74].

Лишение комфорта и благополучия обитания в Доме общежития, – подчеркнем, что квартирный вопрос в Томске изучаемого и более поздних периодов стоял с особой остротой, – таким образом, становится существенным дополнением к летописи наказаний студента ИТУ.

Однако, введя в наше исследование в качестве основных героев инспектора и его помощников, мы так и не сказали о них несколько слов. Инспекторы студентов в российских университетах рассматриваемого времени назначались министром народного просвещения по представлению попечителей учебных округов. Подчинялись «в своих действиях» они как непосредственно попечителю, так и ректору. Как нам уже отчасти удалось убедиться, главной миссией инспектора было сохранение «порядка и благочиния» студентов и посторонних слушателей не только в зданиях университета, но «по мере возможностей» также и вне их пределов [13. С. 73]. Последнее право, закрепленное за инспектором по закону, небезынтересно для нас, так как углубляет обозначенную нами проблему тотальности надзора за жизнью студента.

В своем «неослабном наблюдении» за исполнением правил члены инспекции обязаны были знать всех студентов лично и по фамилии, иметь полные сведения о них, включая место жительства; следить за исправным посещением лекционных и практических занятий, за отпусками студентов в семестровое и vacationное время. Инспектор был посредником в прошениях учащихся к правлению университета, вы-

давал стипендии и пособия, обязывался в случае пропуска лекций преподавателями донести об этом ректору и т.д.

В «Инструкции для инспекции студентов Императорского Юрьевского университета», имевшей, заметим, типовой характер, подчеркивалось: «Чины инспекции имеют право входа во все помещения университета, не исключая кабинетов и лабораторий» [14]. Ко всему сказанному следует добавить, что, уже по «Правилам для студентов», при появлении своем, в том числе и в комнатах общежития, они должны были встречать там пресловутые «приличия и вежливость». Закономерно, что при таком сочетании правил и инструкций не обходилось без курьезов. Так, 26 апреля 1898 г. Н.Ю. Корнилович, посетив комнату студентов Н. Сперанского и Н. Лепорского, застал их «в неглиже». Не помогли объяснения Сперанского о неожиданности посещения, о том, что «Корнилович вошел к ним в номер без всякого предупреждения», «лишив его возможности встать с постели и одеться». В Штрафной книге отмечалось: «Лепорский сказал, что он крайне был возбужден неожиданным появлением господина Корниловича и не знал, что ему делать, опешил и не встал. Далее сослался на свою нервность и болезненность» [1. С. 165–166]. Студентам не удалось избежать замечания.

Все инспекторы Томского университета, занимавшие этот пост с 1888 по 1906 г., имели чин действительного статского советника по Табели о рангах. А.П. Пятницкий, вступивший в должность инспектора студентов ИТУ с 4 июля 1893 г., до этого был директором Новочеркасской классической гимназии [15. 1893. 6 авг.]. Его преемник (с 21 февраля 1898 г.) В.П. Григоровский являлся бывшим руководителем Новочеркасской учительской семинарии [16. 1898. 7 марта].

В то время как персона инспектора имела неоднозначную репутацию в глазах студентов, о чем будет сказано в свое время, значительно более определенным было отношение учащихся к педелям. Надзиратели студентов низшего ранга, педели (само понятие известно со времен Античности; в используемом значении пришло в Россию из университетской системы Германии) исполняли поручения инспектора и его помощников. Для этого они ежедневно находились в указанных им местах, как в университете, так и за его пределами. Одной из наиболее расхожих их обязанностей был учет посещаемости лекций студентами, что осуществлялось методом отслеживания верхней одежды в гардеробах. А.Н. Морачевский (псевдоним – Н. Зарницын), поступивший в 1898 г. на открытый в тот год юридический факультет ИТУ, вспоминал, как он, «совсем юный семинарист», впервые встретил младших надзирателей: «Я в вестибюле мрачного каменного здания, от стен которого веет холодной немой серьезностью ... “Вот ваша вешалка...”, – указал дежурный педель... В голове на секунду встал вопрос: откуда он меня знает. Очевидно, в этот момент мое лицо изобразило самое беспомощное недоумение, потому что педель тотчас же разъяснил: “Вас мы знаем давно по карточке, которая присылается при прошении...”» [17. С. 422].

6 февраля 1895 г. инспектор получил жалобу от студента К.П. Орлова, который заявил, что педель записал его как отсутствующего на лекции, хотя «фуражка» его «висела на том же месте». И другие студенты, несмотря на тщетность этого, приносили те же жалобы. В январе 1896 г. произошел случай, изобличивший скрытое недовольство, не заметное в иных условиях. Студент 2-го курса В. Кочуров, предварительно «произведя буйство» в ресторане Крюгера и грозя «пустить пулю в лоб содержателю ресторана Лобанову», в театральном буфете изъявил намерение «ударить педеля». Кочуров был исключен из университета, однако спустя время эта мера была заменена неделей карцера с «внесением в штрафной журнал» [1. С. 115]. 6 марта 1896 г. упомянутый Лепорский в присутствии инспектора употребил слово «педелишко», за что был отправлен в карцер на сутки. В апреле следующего года исключенный месяцем ранее из университета «за невзнос платы» Коржавин, будучи пьяным, ударил педеля в Доме общежития. В общежитии же в январе 1898 г. студент Попов «стал кричать на педеля и угрожать ему». «Нам не интересно, чтобы педели засовывали сюда свою физиономию» [Там же. С. 165], – таким приветствием в марте того же года В. Щербаков почтил педеля, когда тот сделал замечание группе студентов во 2-й аудитории главного корпуса и т.д.

Не будет преувеличением сказать, что образ педеля, являясь «низовым» символом всеобщего надзора, вызывал самые негативные реакции студенчества. Надзор этот в значительной мере был направлен на внешний вид студента, прежде всего его одежду, ведь, по правилам, «как в университете, так и вне его», студенты обязаны были «носить форменную одежду установленного образца» (пальто, двубортный сюртук, однобортный мундир, застегивающийся на девять желтых металлических пуговиц с изображением государственного герба, фуражку тёмно-зелёного сукна и т.д.) [2. С. 10]. При этом далеко не все студенты следовали этому предписанию, легкомысленно, по всей вероятности, предполагая, что это не столь важно для инспектора, который, впрочем, в этой связи неоднократно доказывал серьезность своих намерений.

Носить форменную одежду студентам мешали то недостаток средств, то климатические условия, вынуждавшие прибегать к оправданиям перед инспектором за ношение, к примеру, меховой шапки, как это сделал в ноябре 1893 г. студент 3-го курса Н.М. Соловьев, к тому же в расстегнутом сюртуке. В январе 1894 г. попечитель даже сделал «письменное напоминание, чтобы студенты не носили теплых шапок» [1. С. 48].

Критику со стороны инспектора вызывал смешанный стиль одежды, будь то светлые брюки, или пиджак вместо мундира, или брюки, заправленные в сапоги. Не могла не вызывать порицания неопрятность во внешнем облике; так, знакомый уже нам студент Микулин 16 декабря 1893 г. явился к инспектору «в самом неприглядном виде – немывтым, не глаженным, без галстука, с расстегнутым у рубашки воротом и в тужурке» [Там же. С. 37]. В огорчение инспектора

Пятницкого приводила и «выпущенная из брюк ситцевая рубашка» студента Горизонтова и т.д.

Каникулярное время не давало повода для смены мундира на партикулярное платье. В мае 1894 г. студент Штейнгауз, по решению правления университета, был уволен по собственному прошению из-за упорства в этом вопросе (ситуацию усугубило и то, что он не явился своевременно в университет для отбывания наказания в карцере). Запрету подвергалось появление в публичных местах в тужурке; карцером могли обернуться для студентов неоднократная прогулка в блузе или поддевке, подбитой мехом, по одной из городских улиц, выход в партикулярном платье в театр или в пальто и цилиндре в общественный сад.

Нарушение правил ношения форменной одежды было наиболее распространенным проступком среди томских студентов, немногим уступая разве что уклонению от субординации. При встрече с попечителем, чиновниками, профессорами и др. студент обязывался прикладывать руку к козырьку, а в случае с высочайшими особами еще и «становясь при сем во фронт» [2. С. 11]. Всякий студент должен был не только раскланиваться с начальствующими особами, но и уступать им дорогу, при разговоре придерживаться соответствующего тона и манер, стоять «не подбоченясь». Особое негодование у Пятницкого, насколько мы можем судить, вызывало «неприлично-фатовская» манера: руки в карманах, расстегнутый мундир, расставленные ноги и т.д. Студент при появлении профессора или ректора, «не изменивший положения своего», например оставшись сидеть на подоконнике, едва ли мог избежать замечания, а в перспективе и более строгих мер наказания. Разговор в фуражке с инспектором наверняка мог окончиться в карцере. Для студента 1-го курса И. Чулкова грубая реплика, обращенная 17 ноября 1899 г. в ложе театра начальнику губернии, несмотря на принесенные извинения, обернулась тремя днями в карцере [1. С. 224].

Мы рискуем совершить ошибку, полагая, что система столь строгой субординации вызывала одобрение в глазах хотя бы малой части студентов. В 1893 г. один из них прямо заявил Пятницкому, что ему «не нравится», что тот «заставляет их раскланиваться с профессорами» и с ним самим, подчеркнув формальность этого правила [Там же. С. 23]. Иные студенты прибегали и к более прямым фразам, в ответ на замечания инспектора откровенно говоря: «Я вас не знаю» [Там же. С. 46]. Замечал инспектор и тех, кто, «словно по принципу», отказывался раскланиваться с ним в продолжение длительного времени.

Нередки были случаи пьянства. И хотя наблюдались они чаще всего в свободное от учебы время, так же становились предметом ведения инспекции. Выговор, а при повторных проступках карцер и исключение, следовали за донесением от дежурных педелей о нахождении в пьяном виде в театре, общественном собрании, гостиницах Томска, а также за возвращением в общежитие в нетрезвом состоянии. Большую озабоченность вызывало не столько пьянство само по себе, а сопряженное с ним поведение: драки, в том числе в Доме общежития, сквернословие, ругань и угрозы по отношению к случайным прохожим и друг

к другу, посещение в соответствующем состоянии «приличным» мест, таких как, например, дом губернатора. В ночь на 25 февраля 1894 г. в университетскую клинику с простреленной щекой был доставлен студент В. Лавров. Как выяснилось, произошел инцидент во время «загородных катаний», когда другой студент Горский непреднамеренно выстрелил из револьвера в своего товарища, который «благодаря только счастливой случайности» остался жив. Участники катаний заявили, что были пьяны. Горский провёл в карцере 4 дня, но попечитель счёл эту меру «снисходительной» и просил инспектора студентов «всем участникам увеселительной прогулки поставить на вид необходимость заботиться о добром имени студента и воздерживаться во время своих увеселений от неумеренного употребления спиртных напитков, но и следить за теми из товарищей, которые имеют к этому склонность» [1. С. 52].

Как видим, за неустанным бдением инспекции и правления за студентами стояла благородная цель – забота об имидже студента первого сибирского университета. Для достижения ее подвергалась контролю и частная сфера жизни студента, фактически стирая грань между университетской и личной повседневностью. Известно, что правила воспрещали студентам вступать в брак «во все время их пребывания в университете» [2. С. 12]. Предосудительными считались любые формы сексуальных отношений, в особенности связанные с прелюбодеянием. 14 декабря 1893 г. в правление ИТУ поступило уведомление из Томской духовной консистории о том, что жена колыванского мещанина С.М. Старцева сожительствует со студентом 4-го курса А.Н. Григорьевым. В январе Пятницкий посетил квартиру учащегося, где «лично убедился, что Григорьев и Старцева живут вместе на положении студенческом». Инспектор не только посоветовал им «обдумать свое положение», но и подал рапорт в правление, предложив обсудить статус Григорьева «в виду предосудительного поведения». Григорьев был на хорошем счету в университете: отлично держался с профессорами, был известен своей благовоспитанностью, примерно исправлял студенческие обязанности и в день храмового праздника всегда бывал в церкви. Все это, однако, стало лишь смягчающим обстоятельством – в качестве «особой милости» правление через попечителя ходатайствовало перед министром народного просвещения о переводе студента в Киевский университет [1. С. 38–39]. Строгим внушением завершались, как правило, и посещения студентами домов терпимости.

Нежелательным считалось пребывание посторонних в номерах Дома общежития; о подобных случаях доносили педели. Так, 3 декабря 1894 г. у студента 2-го курса Спасского до ночи задержался некий мужчина. Спасский признался, что гостем его был товарищ по семинарии Арефьев, корреспондент местных газет, и попросил разрешения регулярно принимать его. Пятницкий тогда в Штрафной книге отметил о «сомнительной репутации» Арефьева и об опасности его влияния на соседа Спасского по комнате Райского. Хотя инспектор не уточнил, в чем же состоит эта «сомнительная репутация», он попросил Спасского

сделать свидания с Арефьевым «более редкими и менее продолжительными» [1. С. 89–90].

Из всего написанного может сложиться впечатление, будто обыденный дискурс студенчества в пику надзору касался лишь низменных сфер. Это, однако, не так. Еще первые студенты Томского университета создали нелегальную библиотеку, «фонды» которой пополнялись из книг, украденных из особого книгохранилища, как писал К.М. Гречищев, «оскопленной» фундаментальной библиотеки университета. Проникали туда под амфитеатром 1-й аудитории главного корпуса, и добытые книги передавали в ведение совета студенческих землячеств. Распределялись эти «трофеи» по жилым комнатам студентов в частных домах Томска. Наибольшей популярностью в библиотеке пользовались труды знаковых авторов того периода: Маркса, Лассаля, Плеханова, Чернышевского, Сеченова, Дарвина и др. Были представлены в ней номера журналов «Современник», «Отечественные записки», «Слово». Функционировала эта библиотека и в 1890-х гг. [7. С. 379].

В поле зрения инспектора попадал круг чтения отдельных учащихся. Так, в начале 1895 г. Пятницкий обратил внимание на список книг, взятых из библиотеки студентом 3-го курса В. Морозовым. Среди них были труды, посвященные крестьянскому и рабочему вопросу, актуальным общественным проблемам того времени и т.д. «Многие из перечисленных книг, – записал инспектор в Штрафной книге, – не заключают в себе ничего недозволенного или вредного; запрещены из них лишь немногие. Тем не менее все вместе взятое указывает на тенденциозность направления». Далее он замечает: «Многие из книг вовсе не были выданы студенту». Уже 10 января правление университета предложило Морозову «оставить Дом общежития» [1. С. 97]. Неоднократно советовал инспектор «быть осторожными» в выборе чтения и другим студентам.

Под определения «непристойного» поведения и предосудительных действий, таким образом, попадали всякое слово и деяние, заключавшие в себе волю учащегося университета. Поэтому вывод относительно магистральной направленности всей системы наказаний в университете становится для нас закономерным: репрессия в широком смысле этого понятия начиналась там, где заявляли о себе уклонение от субординации, склонность к вольному образу жизни, включающая свободные предпочтения в одежде, книгах, дружеских и сексуальных отношениях и т.д. Мы намеренно ставим здесь многоточие, потому что, как мы убедились, запреты для студентов в рассматриваемый период имели весьма неопределенные границы и подчас зависели от личных качеств и настроения следящего, т.е. инспектора. Подчеркнем, что недовольство студентов вызывало и то, что защиты против произвола инспектора с его личными качествами и переменчивым настроением искать, по сути, было негде: при ходатайствах против него дела разбирались членами правления и самим же инспектором [1. С. 210–211].

Поскольку различные виды нарушений часто совершались целенаправленно (т.е. с осознанием табуи-

рованности почти любого шага и последствий его), то рассматривать их в совокупности мы можем с точки зрения протестного дискурса и протестных практик. Это заставляет нас говорить о совершенных проступках не просто как о побочных эффектах молодости, но как о направленном вызове, брошенном системе, как о практиках сопротивления безграничному контролю. Намеренные и нередко повторявшиеся нарушения правил мы наблюдаем в записях на студентов Барбанщикова, Данилова, Кожевникова и др. Многие из таких учащихся так и не доучились в Томском университете.

Небезынтересен в этом контексте случай студента Н.В. Флерова. Он несколько раз получал выговор за пьянство, принимал участие в упомянутой «предсудительной» загородной прогулке (в которой получил ранение Лавров), не вносил своевременно плату за общежитие и являлся туда при этом в нетрезвом виде. 30 мая 1894 г. инспектор застал его на улице в высоких сапогах, «плохом» пиджаке, неформенном пальто. «Только форменная фуражка обнаруживала в нем студента», – писал Пятницкий в Штрафной книге. Позднее Флеров был обнаружен переходящим «из дома в дом терпимости». Студенту следовали один за другим выговоры и предупреждения. Тем не менее в конце того же года он в компании Кокоулина и Кожевникова «в пьяном виде шумел и безобразничал около дома терпимости на Бочановской улице». 30 декабря правление предложило студенту Флерову оставить университет по прошению.

Такая «самоубийственная» тактика во многом приоткрывает нам приоритеты молодых людей того времени, подчас не желавших склоняться перед диктатом самовластного начальства. В то же время это проливает свет и на психологические особенности инспектора, который писал об этом студенте: «По моему мнению, Флеров серьезно больной. Ему более, чем кому либо другому, крепкие напитки вреднее. Нуждается в серьезном лечении. Во время наказаний в комиссии произвел крайне тяжелое впечатление» [1. С. 42]. Тепло говорил с ним и ректор, так же подчеркивая, что «ему более, чем кому-либо иному, должно заботиться о здоровье и избегать вина» [Там же. С. 55]. Флеров ушел от наказания через карцер, хотя не раз подавал к тому повод. «И наказывать-то опасно», – писал после очередного его проступка Пятницкий. «И смех, и слезы», – такую запись инспектора о Флере не раз встречаем мы в Штрафной книге.

Пожалуй, это тот случай, когда ненадежный рассказчик «разоблачает» себя, и за «внешностью» строгого блюстителя порядка мы видим чистые намерения и способность к состраданию. Это в некотором смысле перестраивает шаблон восприятия и взвешивает наши подходы. Рубинштейн, например, вспоминал, что в бытность его студентом отношения учащихся и инспектора «были все время хорошие» [10. С. 413], хотя заметим, что речь шла о предшественнике Пятницкого А.С. Еленеве (бывший директор Красноярской мужской гимназии). Однако «смех и слезы» инспектора Пятницкого выдают в нем живого человека, который, в отличие от своего преемника Григоровского, временами допускал личностную откровен-

ность в записях в Штрафной книге, накладывая на них ярков выраженный отпечаток индивидуальности и субъективности, того, что и принято называть ненадежностью рассказчика. Записи эти временами превращают для нас Штрафную книгу в своеобразный частный дневник.

«К сожалению, такой тон и манера говорить свойственны многим студентам Томского университета», – сделал замечание Пятницкий к комментарию от 17 ноября 1893 г. о не самой уважительной реплике студента Кутузова. Узнав о том, что ранее, 22 октября того же года, в день Храмового университетского праздника, торжественный (годовой) акт посетило только 6–7 студентов, инспектор записал в Штрафной книге: «Печальная связь студентов с Alma Mater, о которой так много и часто говорят!» [1. С. 20]. И неблагоприятность отдельных студентов, и грубый и резкий тон их речей, и нежелание признать, что некоторые правила (при ссылках студентов на их формальность) должны соблюдать а priori, – обо всем этом, кажется, он писал скорее с болью, чем назиданием. Штрафная книга, написанная рукой Пятницкого, показывает нам мир глазами человека, который в трагических интерьерах современности находит признаки упадка и разрушения.

Поражало инспектора и недостаточное уважение к религиозным ритуалам со стороны студентов. Дело в том, что Императорский Томский университет был одним из немногих вузов в Российской империи, куда наряду с выпускниками гимназий принимали и семинаристов. На протяжении многих лет последние составляли львиную долю студентов университета. Так, в 1893/94 академическом году среди общего числа обучающихся в ИТУ в 377 человек большинство из них, а именно 276 (т.е. более 70 %), составляли воспитанники духовных семинарий [18. С. 15–16]. Из 101 первокурсника, поступившего в 1893 г., 65 были бывшими семинаристами [Там же. С. 7]. Такое устойчивое большинство носителей духовного среднего образования наблюдалось в Томском университете на протяжении многих лет. Однако удержим себя от того, чтобы поддастся ложному впечатлению, будто это означало особую набожность и религиозность студентов. Напротив, на страницах Штрафной книги мы встречаем картину выраженного сопротивления религиозным повинностям, не в последнюю очередь со стороны бывших семинаристов.

В сентябре того же 1893 г. внимание инспектора в Доме общежития привлекло не только то, что «пришедшие раньше к обеду друг друга не ждут, расходятся по мере того, как кто отобедал», но и отсутствие молитвы до и после трапезы. Днем 20 сентября Пятницкий попросил студента 5-го курса И.В. Архангельского (в дальнейшем участник «загородной прогулки» февраля 1894 г.) прочесть молитву тем немногим, кто еще оставался в столовой. После обеда инспектор прошелся по комнатам общежития, сделав студентам внушение по этому поводу. Не трудно представить его удивление, когда некоторые из учащихся «в оправдание» свое говорили о том, что «не привыкли молиться». На следующий день Архангельский приватно заявил инспектору, что «он не может

читать молитвы, боясь быть посмешищем товарищей», и даже выразил готовность оставить общежитие [1. С. 13]. Отметим, что студент Иван Васильевич Архангельский, православного вероисповедания, окончил полный курс наук в Симбирской духовной семинарии, притом в аттестате его за поведение указана оценка «отлично» [19. Л. 2, 16].

Неустанно напоминал инспектор и о необходимости посещения студентами церкви для молебна в так называемые царские дни (6 декабря), хотя правила того и не требовали, равно как не требовали они и молитвы до и после обеда.

В конце октября 1894 г. произошел случай, вновь заставивший задуматься о «религиозном рвении» студенчества. 25 октября застрелился студент 4-го курса П.И. Быстров. Учащиеся (в Штрафной книге количество указано в 250 человек), в основном первых 4-х курсов, без распоряжения руководства вуза из анатомического покоя университета перенесли тело покойного, сделав на улице посмертный снимок, в университетскую Домовую церковь, где священник, профессор ИТУ Д.Н. Беликов, отслужил литию. Уже на кладбище, указывалось в Штрафной книге, после того, как основная масса студентов разошлась, небольшая группа оставшихся пропела песню на стихотворение И.С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая». Хотя заметим, что, по воспоминаниям Гречищева, пели «всей массой», а сами похороны, организованные советом землячеств, превратились в «грандиозную демонстрацию», в «потрясающее выражение скорби и возмущения существующим порядком» [7. С. 374]. Достойны нашего внимания слова этого стихотворения, ставшие предметом разбирательства инспектора и правления: «Жизнь не веселая, жизнь одинокая / Жизнь неприютная, жизнь терпеливая / Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая». В период волнений 1899 г. К.М. Гречищев, выступая перед товарищами, произнес такие слова: «Теперь место не аплодисментам, а будем плакать и рыдать до конца...». Данной репликой, по записи в Штрафной книге, он «вызвал сильнейший энтузиазм» в аудитории [1. С. 211]. Все это лишь отчасти проясняет коллективное настроение и очертания мрачного жизненного мира провинциального российского студента конца XIX в., но это уже другая тема.

Всего по делу о перенесении тела и о «пении светских стихов над могилою» было привлечено 12 студентов (из них пятеро за пение) [20. Л. 63–63 об.]. Правление университета постановило, что «ответственность студентов не подлежит сомнению, так как они ни в каком случае не должны были действовать своевольно», а пение светской песни на могиле считалось «неуместным и предосудительным, и потому тоже подлежащим наказанию» [Там же. Л. 67]. И хотя наказания за это были не столь строгими, симптоматичны сам поступок и реакция на обвинения со стороны студентов. Знакомый уже нам К.П. Орлов, сын священника, выпускник Владимирской духовной семинарии [21. С. 172], например, сказал инспектору, что «в пении светского стихотворения не видит ничего предосудительного» [1. С. 79]. В журналах заседания правления ИТУ приведены и такие его слова: «Если

бы знали содержание песни, ее глубокий смысл, то ничего не имели против ее пения». Другой обвиняемый А.А. Горский, выпускник Костромской духовной семинарии, сослался на то, что даже «духовное начальство» разрешало произнесение над могилами речей, а, «следовательно, возможно и пение стихов» [20. Л. 65]. В целом апеллирование к более «гуманному» режиму в семинариях характерно было для студентов ИТУ. Отмечается, что не самое прилежное духовное поведение в тот период наблюдалось и непосредственно в семинариях, в частности и в отношениях с духовными воспитателями, которых называли «надзирателями», «смотрителями», «инспекторами» [22. С. 66]. Можно вообразить реакцию бывших семинаристов, которые и в светском высшем учебном заведении встречали строгих ревнителей веры.

25 марта 1896 г. студент 2-го курса Витошинский вместе с рядом других певчих клироса во время архиерейского служения в старом соборе «не благоговейно держал себя», за что и был отправлен в карцер на сутки. 8 мая 1897 г. Пятницкий сделал «надлежащее внушение» студенту Ардашеву за то, что тот, будучи сыном священника и воспитанником семинарии, отказался от говения. Инспектор отметил в Штрафной книге: «Глубоко возмущенный подобными фактами глумления над священными установлениями нашей православной церкви, представляю об этом на благоусмотрение правления» [1. С. 153]. 24 мая 1898 г. студенты А.Н. Городков, А.Н. Аристов (оба окончили Костромскую духовную семинарию), Н.А. Ламсаков (Тверская духовная семинария), П.А. Будрин и С.С. Данилов, певшие литургию в университетской церкви и вечернее богослужение во время чтения настоятелем церкви молитвы Св. Троицы, остались на ногах, когда «по смыслу молитвы христианин должен быть в самом уничижительном положении». Вмешался инспектор Григоровский. Однако Данилов так и не встал на колени во время чтения последующих молитв. Его примеру последовал и Будрин (окончил курс Благовещенской духовной семинарии). Сын священника и выпускник Симбирской духовной семинарии Стефан Данилов «упорно, даже грубо» оправдывал свой поступок долгом совести и призыв инспектора встать на колени истолковал как «посягательство на религиозное чувство». Последний провел в карцере трое суток, Будрин – два дня [Там же. С. 171–175]. С. Данилов, так же как и Аристов и Ламсаков, в скором будущем принял участие в студенческих беспорядках 1899 г. и был за это исключен из университета. 22 октября 1898 г. студент М. Кокосов (выпускник Пермской духовной семинарии), встретивши на лестнице Его Преосвященство епископа Макария в сопровождении Григоровского, отказался принять благословение епископа. Не заметил инспектор даже поклона студента, из-за чего последовал разговор.

Как нам удалось убедиться, уклонение от столь гибких правил и жесткой системы надзора, почти безграничного в практике своей реализации, нередко носило индивидуальный характер, что наглядно подтверждается и практиками сопротивления исполнению не обязательных, но крайне желательных религиозных ритуалов.

Однако высшее проявление неповиновения нередко имеет коллективные формы. Философия подавления выстраивалась вокруг концепции «изолированно-го» учащегося, что нашло отражение в «Правилах для студентов университета». В 13-м параграфе 3-й части мы читаем: «Студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящее в себе характер корпоративный». Включало это и запрет на подачу адресов и прошений «за подписью нескольких лиц», «посылку депутатов», выставление каких бы то ни было объявлений от имени студентов и т.д. Добавим к этому упомянутый уже запрет на всякое участие в сообществах и проясним для себя тот страх перед коллективизацией протеста, который был свойствен инспекторам студентов, и ту особую реакцию правления на всякие акции коллективного нарушения правил. Этим же мы объясним неприятие, которое было вызвано в руководстве вуза самовольным перенесением тела покойного студента. Заслуживают в этой связи внимания и иные случаи. В январе 1894 г. в Европейской гостинице состоялся платный танцевальный вечер с участием инженеров, купечества, чиновников. Приняли в нем участие и порядка 150 студентов. Когда информация об этом дошла до сведения инспекции, попечитель назначил комиссию из ректора ИТУ А.И. Судакова, профессоров Н.Ф. Кащенко, Я.А. Анфимова, М.Ф. Попова и инспектора А.П. Пятницкого. Всего было «допрошено» 70 студентов. Предметом особого разбирательства стал тот факт, что отдельные из них участвовали в устройстве вечера, развоза приглашительные билеты. И хотя студенты на вечере вели себя «прилично», почти всем участникам его в присутствии членов правления был вынесен выговор, а некоторые были отправлены в карцер [1. С. 40–42].

29 октября 1894 г., спустя 2 дня после похорон Быстрова, столь же тщательному разбирательству подверглись обстоятельства из досуга студентов, принявших участие (вновь фигурировала цифра 150) в вечере, который был организован в одном из частных домов на окраине Томска, о чем уже кратко упоминалось ранее. В 9 часов «на место происшествия» прибыли жандармский начальник, полицмейстер и инспектор студентов. Участникам было предложено разойтись. Пятницкий отмечал в Штрафной книге: «В 11-м часу собрание разошлось и по всему пути к Европейской гостинице и в особенности на мосту около означенной гостиницы пело веселые плясовые песни (с неприятными прибавлениями)» [Там же. С. 76]. Ситуация в восприятии руководства университета осложнялась тем, что в те дни страна была «в глубоком трауре» по случаю кончины Государя Императора. Вместе с тем «по случаю бракосочетания его Императорского Величества» правление «нашло возможным подвергнуть виновных студентов умеренному наказанию» [20. Л. 67 об.–68]. Лишь небольшая часть из них была исключена из университета, в частности А.А. Вилков, позволивший себе 29 октября «запереть дверь перед полицмейстером и инспектором» и, кроме того, «дерзко и грубо» державший себя в комиссии по расследованию. При назначении наказания учитывались и прежние проступки. Так, напри-

мер, строгие меры применялись к тем, кто одновременно участвовал в февральской загородной прогулке, похоронах Быстрова, вечере 29 октября. Одни отправлялись в карцер (как мы помним, именно в тот момент ряду студентов присудили рекордные 2 недели), другие лишались права на освобождение от платы за учебу и льготных условий проживания в общежитии и т.д. Попечитель в предложениях своих нашел наказания «снисходительными».

Предсудительным было признано участие студентов в вечере по подписке на постоялом дворе Бычкова в октябре 1895 г. Массовое собрание в том же месяце в доме на Уржатке у студента Левина так же не обошел своим вниманием инспектор. В Штрафной книге отмечалось: «Не усматривая в означенном собрании (студент именинник) ничего предсудительного, я тем не менее повергаю означенный вопрос на благоусмотрение Вашего превосходительства, так как на таких вечерах, где собираются студенты, хотя бы и на именинный пирог, но в большом количестве (15–20 человек) могут происходить иногда нежелательные для студентов и университета неожиданности» [1. С. 109–110].

В качестве отступления упомянем о случаях «разрядки» напряжения в атмосфере бытия студентов. Корпоративизация досуга, на борьбу с которой круглый год были направлены усилия инспекции и правления, находила свою свободную реализацию лишь в день 22 октября. Университетский праздник, который начинался торжественным актом в ИТУ, продолжался затем в здании общественного собрания. Здесь пробуждалась воля студента, а праздник превращался в своего рода карнавальное действо, готовились к которому заблаговременно. Здесь находилось применение певческим талантам бывших семинаристов. Морачевский вспоминал о своем прекрасном товарище и обладателе столь же «прекрасного голоса» А. Щеглове по прозвищу «Птица», которого «знал весь город». Основные события вечера разворачивались в так называемой «мертвецкой» – комнате в нижнем этаже собрания, где располагался буфет для студентов. Так писал Морачевский о празднике по окончании официальной части: «“Мертвецкая” превращалась в настоящий ад. Спорили. Кричали. Пели. Плакали. Целовались. Танцевали. Студент из категории “вечных”, большой весельчак и балагур, медик Т. приносил с собой барабан. Отбивая мерные удары, он вносил в атмосферу мертвецкой настоящий хаос. Отнять барабан удавалось только после целого ряда ухищрений и уговоров и то тогда, когда владелец его лежал где-нибудь под столом или за буфетной стойкой. В конце концов его примеру следовали остальные товарищи, polegшие “мертвыми костями”». Там же мы читаем: «Наутро особой комиссией собирались и убирались “трупы”, разыскивались перепутанные шапки, башлыки, галоши, пальто, шубы. Студенческое добро валялось по всему собранию, по улицам... Праздник на несколько дней вышибал из планомерной колеи жизнь, которая не скоро входила в обычное русло» [17. С. 427]. Заметим, что происходящему ни полиция, ни университетское начальство не противодействовали, забывая о «правилах» только в этот день.

Не случайно, что и кульминация протеста рождалась в акте массового неповиновения. 27 октября 1898 г. перед вступительной лекцией профессора Живаго, на которой присутствовал весь служебный состав университета, а также попечитель учебного округа, в толпе студентов раздался шум. Григоровский отмечал по этому поводу: «Первоначально трудно было что-либо разобрать; самый шум походил на гул; но потом в отдельных голосах некоторых студентов, в массе и на хорах (в особенности на хорах) собравшихся и потому естественно оставшихся незамеченными, послышалось: “Долой инспектора”».

Этот день стал предтечей протестов 1899 г. Накануне его инспектор отправил в карцер студента Мельникова, отказавшегося снять перед ним фуражку. Вскоре после этого студент Покровский пригласил Григоровского в аудиторию. Разговор в ней с массой студентов, впрочем, был недолгим. В ответ на вторичное приглашение со стороны студентов Еланцева и Хицунова «для объяснений» инспектор заявил: «Объясняться с целым курсом бесполезно, а если им желательно беседовать со мной, пусть по одному в свободное время приходят ко мне в кабинет». Обструкция на лекции профессора Живаго, таким образом, была выражением оскорбления студентов, масса которых не получила ответ на вызов инспектора. Бесспорно, что и сами студенты осознавали действенность массовых стратегий сопротивления. 24 февраля 1899 г. тот же Гречищев заявил на сходке: «Нужно вести дело серьезно, иначе ни черта не выйдет. Не будем являться на лекции, не будем говорить в одиночку с начальством» [1. С. 205]. На сходке 2 марта студент Рубецкой, осознавая значимость «массового» аспекта в протесте, предложил товарищам «в случае исключения» «устроить круговую поруку», подавая «заготовленные заблаговременно прошения об увольнении» [23. Л. 9 об.].

Своевременным видится отметить то значение, которое инспекция и правление отводили ответной мере, направленной на разбитие коллектива и персонализацию ответственности. Проявилось это не только в настойчивом желании инспектора говорить со студентами «по отдельности», но прежде всего в строгом учете педелями всех участников сходок, беспорядков, вечеров и т.д. Каждый участник массового мероприятия по возможности запоминался, а список провинившихся позволял расправиться с отдельными студентами, так как совокупность их для карающей системы оставалась пугающей и недосыгаемой. Трудно объяснить в этой связи выводы из доклада Ванновского, в котором глубинные причины беспорядков усматривались «в полной беспризорности учащейся молодежи», «разобщенности студентов как между собою, так и с профессорами и инспекцией». Авторы доклада представили движущую силу протеста не иначе как главным инструментом борьбы с ним. Впрочем, есть в этих словах и определенная последовательность: по мысли составителей, узаконение форм коллективной активности студенчества лишило бы смысла нелегальные массовые протесты, а «возможность корпоративного устройства студентов» могла минимизировать значение тайных организаций [3. С. 65, 68].

Однако за коллективизацией протеста мы не можем упустить из виду и другую стратегию сопротивления. Связана она с моделями реакций на внушения, выговоры и наказания. И здесь мы встречаем неоднозначную картину. С одной стороны, отдельные студенты при столкновении с необходимостью соблюдать правила, реальные и придуманные, обоснованные и абсурдные, предпочитали прямо выражать свой протест, что в восприятии инспектора выглядело «дерзким» и «грубым». В октябре 1893 г. группа студентов не уступила в коридоре место ректору. В ответ на замечание инспектора один из них, А. Панов, оглянулся по сторонам и спросил: «А разве ему мало места?». В Штрафной книге мы встречаем, например, случаи открытого игнорирования предписаний относительно формы. В записи от 16 мая 1894 г. инспектор отмечал в Штрафной книге: «Как зимою большинство носило шубы, а не форменное пальто и шапки, так теперь приблизительно около 100 человек носит партикулярное пальто. Некоторые прямо говорят, что нет нужды в форменном пальто».

Тогда же студент 2-го курса Цейтлин в присутствии инспектора усомнился в необходимости соблюдать форму, за что был отправлен в карцер на сутки [1. С. 59]. В августе 1894 г. студент Алчдаевский попросил Пятницкого «выражаться осторожнее», когда тот пригрозил ему «сообщить о его доблестях в правление» (несоблюдение формы и приветствий). В октябре от второкурсника Барзаковского, не удостоившего инспектора поклоном, последний услышал следующую реплику: «Я раскланиваюсь только с тем, от кого могу видеть для себя полезность и кого уважаю». В январе 1895 г. студентам Сокольникову и Ермоловичу был сделан выговор за резкий тон по отношению к профессору А.В. Репреву. Студент Жуков однажды демонстративно отказался говорить с инспектором, а на требование «держаться прилично» ответил: «Все это такая мелочь» и т.д.

Со всем тем более распространенной практикой реакции на выговоры инспектора мы можем признать ложное уклонение, когда провинившийся обещает непременно исправиться, но всякий раз поступает по-своему. Формальные признаки уважения к начальству стали достойным ответом на формальные же, с точки зрения студентов, предписания. «Самых честных правил» инспектор Пятницкий, по-видимому, впадал в недоумение, когда после заверений впредь соблюдать предписания студенты вновь подавали повод к нареканиям инспекции. Так поступал тот же Флеров, «произведя» угнетающее впечатление своим видом в комиссии по расследованию обстоятельств танцевального вечера 29 октября. Когда члены комиссии поинтересовались его самочувствием, Флеров заявил, что у него «тиф, 40 градусов». Однако инспектор отметил в Штрафной книге, что в общезнании в тот день он «держал себя, как объективно здоровый» [1. С. 42]. Систематично, но вежливо избегали требований соблюдать форму студенты В. Виноградов, В. Скворцов, В. Сперанский и др. 19 октября 1895 г. правление ИТУ уведомило, что ко всем студентам, которые «в текущем семестре не обзаведутся форменной одеждой», будут применены «более строгие меры».

А.П. Пятницкий, подавший предварительно рапорт по этому вопросу, писал: «Студенты приводят в оправдание своей неисполнительности, что они “средств не имеют на форменное пальто” или “приобретут пальто тогда, когда деньги будут”, а срока не указывают» [1. С. 108].

Ранее, в декабре 1893 г., инспектор потратил неделю на разговоры со студентами по поводу непосещения их церкви в царские дни. Запись в Штрафной книге не лишена экспрессии оскорбленных чувств: «Станным мне кажется самый характер формального приглашения студентов в Царские дни. Раз бы навсегда вменить студентам в обязанность знать высокопраздничные Царские дни и чтить их». И далее: «А то приходится слышать при расспросах студентов о причинах непосещения церкви, что иной забыл, иной не знал, иной опоздал (не в первый уже раз) и т.д.» [Там же. С. 35–36].

Умолчание и вежливость, за которыми следовал уход от тягостных повинностей, таким образом, были средством сопротивления не менее действенным, чем открытый протест. Парадокс заключается в том, что попытка сохранить свободное пространство повседневности, код собственной идентичности осуществлялась за счет намеренного сокрытия этой идентичности, демонстративной деперсонификации. В феврале 1898 г. на страницах томской газеты «Сибирский вестник» была опубликована телеграмма Эмилю Золя. Желая внушить «нравственное сознание правоты» деятельности писателя в связи с делом Дрейфуса и руководствуясь порывом донести сочувствие «великому борцу и защитнику самых святых прав человека», адресанты – шестеро студентов – тем не менее в телеграмме пожелали остаться неназванными [15. 1898. 26 февр.]. Стоит ли удивляться, что усилия инспекции были мгновенно направлены на выявление «скрытых» лиц. Ими оказались студенты Данилов, Еланцев, Ефремов, Колошин, Крагинов, Травин. За содеянное все они получили выговор [1. С. 162–163].

Истинный свой облик, таким образом, студент Императорского Томского университета обретал лишь будучи сокрытым маской. Речь, конечно же, о маске символической, однако, что характерно, иррациональное нетерпение инспекции вызывало и участие студентов во вполне материальных маскарадах. Так, в декабре 1895 г. студент И. Громов был обнаружен в местном театре «в маскараде», «партикулярном платье и маске», за что получил замечание от помощника инспектора Доброхотова. Н. Алексеев тогда же «в маскараде» был «замаскированным», о чем имеется запись в Штрафной книге. И впредь «замаскированные» удаивались чести быть занесенными на страницы этой книги.

24 февраля 1899 г. студенты Томского университета, отказавшись покинуть аудиторию главного корпуса, стали подписывать телеграмму с выражением солидарности петербургским студентам. Планировалось отправить и петицию министру народного просвещения. Университет был признан студентами временно закрытым. 2 марта, как уже было упомянуто, в той же аудитории состоялась вторая общестуденческая сходка. На ней зачитывались письма из столицы

и отрывки из немецких газет. «Эти письма, – вспоминал Гречищев, – стимулировали боевое настроение томского студенчества, а оно и без того оставалось массово боевым в такой степени, что забастовка протекала единодушно, без штрейкбрехеров». Зашла речь и о наказаниях, которые не заставили себя ждать. В том же месяце масса протестующих была разбита на стройные «конduitные» списки, систематизированные по степени тяжести наказания. Более 60 студентов были исключены из университета. Часть из них была лишена права обратного поступления. Многие были высланы «на родину». 6 марта на станции Меженинова (ныне Томск-1) состоялись проводы студентов, где присутствовали «встревоженные» горожане: интеллигенция, рабочие, видные общественные деятели. Был там и директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев. Отъезжающие студенты благодарили за сочувствие. «Прощальная речь исключенного и высылаемого студента» нашла свое выражение в стихотворении «В память 6-го марта 1899 г.». Звучали строки из письма «От сочувствующих гимназисток».

Вскоре последовало официальное закрытие университета. Всем студентам было предложено подать «индивидуальное заявление» для восстановления в университете. Гречищев вспоминал: «Значительное количество студентов предпочло разъехаться, а не спешить с заявлениями об обратном приеме в университет, тем более что ожидался жесткий подход со стороны администрации к таким заявлениям».

Безусловно, университетское руководство и инспекция были нацелены на мишень деколлективизации протеста, но солидарность и память о весне 1899 г. и позднее продолжали жить среди студентов. После возобновления занятий осенью того же года в Штрафной книге было зафиксировано, что так называемые сторонники другой партии, т.е. подавшие прошения об обратном поступлении, встречают не самый лучший прием со стороны сочувствующего большинства, для обозначения которых использовалось слово «обструкторы». Так, 22 октября в гостинице «Россия» группа студентов из числа последних встретила криками «Подлец!» некоего Нарциссова. Ночью на Ярлыковской улице завязалась драка. Предметом недопонимания послужило то же оскорбление в адрес двух студентов. По тем же причинам позднее инспектор Григоровский доложил ректору о том, что в начале ноября 1900 г. группа студентов юридического факультета ИТУ, явившись послушать лекцию в Томский технологический университет, вынуждена была отказаться от своих планов. Один из студентов-технологов перед лекцией выступил перед аудиторией со следующими словами: «Среди нас, господа, есть такие студенты университета, которые скомпрометировали себя во время известного студенческого движения 1899 года... Таковым не место среди нас, и я от лица нас и от лица всего курса предлагаю им оставить аудиторию». Григоровский отмечал, что вслед удалявшимся студентам университета «раздались аплодисменты и свист» [24. Л. 22].

Глубинные причины массовых протестов не были устранены, а потому волны новых «обструкций» были

неизбежны. Заметим, что в 1901 г. репрессии против студентов были усилены тем, что над исключенными из университетов, по так называемым Временным правилам, нависала угроза «попасть в солдаты». Жесткое подавление в дореволюционный период, впрочем, чередовалось и умеренными уступками. В частности, в период Первой русской революции, в августе 1905 г., в вузах была отменена инспекция. Прежняя сфера деятельности этой структуры передавались в ведение проректоров и профессорских дисциплинарных судов. Видимо, были учтены и положения из доклада Ванновского, когда студентам было дано право создавать коалиционные органы студенческого самоуправления. Однако отмечается, что «по мере спада революции эти права были значительно урезаны» [25. С. 23].

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что события 1899 г. имели широкие предпосылки, код которых зашифрован в структуре повседневности студента 1890-х гг., равно как и более ранних периодов. Бытие студента, университетское и частное, в рассмотренный период оказалось под куполом неустанного надзора инспектора, его помощников и

педелей, правления университета. Практика реализации тотального контроля фактически стерла грань между личной и профессиональной повседневностями учащихся, создав ситуацию, при которой приоритетными предметами паноптического наблюдения становились не столько успеваемость и взаимоотношения с профессорами, сколько досуг, индивидуальные предпочтения, в частности в одежде и книгах, дружеские и личные связи, религиозные чувства.

Целенаправленный и намеренный характер нарушений установленных правил, которые далеко не исчерпывались писаными положениями, заставляет нас судить о них как о практиках сопротивления студенчества тотальному дисциплинарному надзору. Реализовывались эти практики по траекториям коллективизации протеста, открытого недовольства и деперсонализации в моделях поведения студента с инспектором и университетским руководством. Именно на противодействие этим аспектам была направлена философия подавления, которая рядом со словом объекта этого влияния – студента Императорского Томского университета нашла отражение в депрессивных хрониках Штрафной книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штрафная книга Императорского Томского университета. 1893–1900 // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 12. Д. 17. 231 с.
2. Правила для студентов университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, б. г. 54 с.
3. Ванновский П.С. Доклад о студенческих беспорядках 1899 года // Издание журнала «Северная Пальмира» (В.С. Туманина). СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 1–68.
4. Голос из общества // Студенческое движение 1899 г. : сб. под ред. В.Г. и А.Г. Чертковых (Второе издание «Свободного слова»). Purleigh, Maldon, Essex, England, 1900. № 29. С. 9–25.
5. Комиссия Ванновского // Студенческое движение 1899 г. : сб. под ред. В.Г. и А.Г. Чертковых (Второе издание «Свободного слова»). Purleigh, Maldon, Essex, England, 1900. № 29. С. 30–35.
6. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1907. М. : Захаров, 2005 [Электронный ресурс] // Публичная библиотека. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PAYPS_Richard/_Payps_R_.html (дата обращения: 19.02.2019).
7. Гречишев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 68.
9. Тимашев С.М. Отрывки из воспоминаний старого студента // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 279–285.
10. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского Томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 407–420.
11. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480.
12. Устав общежития студентов при Томском университете // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Год III. № 8. 1888. С. 171–174.
13. Права и преимущества университетов / Об инспекторе студентов и его помощниках // Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Т. XI, ч. 1. СПб., 1893. С. 73–74.
14. Инструкция для инспекции студентов Императорского Юрьевского университета // Министр народного просвещения, Статс-секретарь граф Делянов. 12 сент. 1895 г.
15. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск.
16. Сибирская жизнь. Томск.
17. Зарницын Н. Дни Юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.
18. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1893 г. Томск : Типо-литография П.И. Макушина, 1894. 82 с.
19. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 168.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 85.
21. Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1896–97 академический год. Томск : Типо-литография П.И. Макушина, б. г.
22. Духовная школа: Сборник. М. : б. и. 1906. 348 с.
23. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 6.
24. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 97.
25. Ищенко О.В. Правовое положение сибирского студенчества в начале XX в. // Сборник научных трудов преподавателей и сотрудников филиала Уральской академии государственной службы в г. Лангеласе / сост. О.В. Ищенко. Екатеринбург, 2003. Вып. 1. С. 22–31.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 февраля 2019 г.

Through the Pages of the Penal Book: The System of Punishments and the Practice of Students' Resistance to Disciplinary Supervision at the Imperial Tomsk University (1893–99)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 184–197.

DOI: 10.17223/15617793/443/23

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Keywords: Penal book; history of students; system of punishments; protest discourse; student unrest of 1899; Imperial Tomsk University.

In the article, the system of punishment of students of the Imperial Tomsk University is reconstructed. This is done on the materials of the Penal Book, office documentation, periodicals, sources of personal origin. The Penal Book contains data on misconduct and punishment of students of the University during 1893–99. This time immediately precedes the 1899 Russian student strike which occurred in Tomsk. These facts allow considering the everyday life of a student imprisoned in the space of “crime and punishment” as a chronicle of the psychological prerequisites of mass protest. The mission to protect the “order and decency” at the University was assigned to the Inspectorate. The students’ inspector A.P. Pyatnitsky wrote the Penal Book from 1893 to 1897 and was rather subjective. He is considered to be an unreliable narrator in the article. Pyatnitsky’s subjectivity is reflected in the Penal Book, which turns it into a sort of a personal diary. Violations of the Rules for Students and the Rules of the Hostel of Tomsk University entailed reprimand, imprisonment in a punishment cell, loss of financial benefits (scholarships, the right to exemption from tuition fees) and a place in the hostel, expelling from the University, including bans on teaching and further education in Russian universities. It is emphasized that students’ actions not covered by the rules were also reprimanded. Implementation of the punishments shows that the will of the inspector was actually infinite; he had control over students’ life outside of the University. This removed the distinction between the personal and professional lives of students and created a situation in which the priority subjects of panoptic observation were not so much academic performance and relationship with professors as leisure and individual preferences, in particular in clothes and books, friendly and personal relationships, political views and religious feelings. It is noted that the philosophy of suppression in the period under review was based on the concept of an “isolated” student. The deliberate and systematic violations allow considering students’ misconduct in terms of practices of resistance to total control. In turn, the strategies of this resistance were built along the lines of collectivization, open challenge and false avoidance, or depersonalization in student behavior patterns with the inspector and University leadership. A striking manifestation of the latter strategy was a symbolic masquerade. It is paradoxical that the preservation of the freedom of the student of the Imperial Tomsk University was in direct dependence on the intentional “masking” of one’s own identity.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 12. File 17. *Shtrafnaya kniga Imperatorskogo Tomskogo universiteta. 1893–1900* [The Penal book of the Imperial Tomsk University. 1893–1900].
2. Imperial Tomsk University. (s.d.) *Pravila dlya studentov universiteta* [Rules for university students]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
3. Vannovskiy, P.S. (1906) Doklad o studencheskikh besporyadkakh 1899 goda [Report on student unrest in 1899]. In: *Izдание zhurnala “Severnaya Pal'mira” (V.S. Tumanina)* [Publication of V.S. Tumanin’s journal “Severnaya Palmira”]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.
4. Chertkovykh, V.G. & Chertkovykh, A.G. (eds) (1900) *Golos iz obshchestva* [A voice from society]. In: *Studencheskoe dvizhenie 1899 g.* [Student Movement of 1899]. Is. 29. Purleigh, Maldon, Essex, England. pp. 9–25.
5. Chertkovykh, V.G. & Chertkovykh, A.G. (eds) (1900) *Komissiya Vannovskogo* [The Vannovskiy Commission]. In: *Studencheskoe dvizhenie 1899 g.* [Student Movement of 1899]. Is. 29. Purleigh, Maldon, Essex, England. pp. 30–35.
6. Pipes, R. (2005) *Russkaya revolyutsiya: v 3 kn.* [Russian revolution: in 3 books]. Book 1. Moscow: Zakharov. [Online] Available from: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PAYPS_Richard_Payps_R..html. (Accessed: 19.02.2019).
7. Grechishchev, K.M. (2014) *Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.)* [From the life of students of Tomsk University (before 1900)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 68. (In Russian).
9. Timashev, S.M. (2014) *Otryvki iz vospominaniy starogo studenta* [Excerpts from the memories of an old student]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rubinshteyn, L.I. (2014) *Vospominaniya pervogo studenta Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Memories of the first student of the Imperial Tomsk University]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 480. (In Russian).
12. A Circular in the West Siberian educational district. Year III. No. 8. 1888. pp. 171–174. *Ustav obshcheshchitaya studentov pri Tomskom universitete* [Charter of the student hostel at Tomsk University].
13. Russian Empire. (1893) *Svod ustavov uchenykh uchrezhdeniy i uchebnykh zavedeniy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Charters of scientific and educational institutions of the Ministry of National Education]. Vol. XI. Pt. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 73–74.
14. Anon. (1895) *Instruktsiya dlya inspeksii studentov Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta* [Instructions for the students’ inspectorate of the Imperial Yuryevskiy University]. Minister of National Education, Secretary of State Count Delianov. 12 Sep 1895
15. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni.* (n.d.) Tomsk.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (n.d.) Tomsk.
17. Zarnitsyn, N. (2014) *Dni Yunosti* [Days of youth]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Imperial Tomsk University. (1894) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1893 g.* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1893]. Tomsk: Tipo-litografiya P.I. Makushina.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 168. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 85. (In Russian).
21. Imperial Tomsk University. (s.d.) *Spisok studentov i postoronnikh slushateley Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1896–97 akademicheskoy god* [List of students and outside listeners of the Imperial Tomsk University for the 1896–97 academic year]. Tomsk: Tipo-litografiya P.I. Makushina.
22. Anon. (1906) *Dukhovnaya shkola: Sbornik* [Theological School: A collection]. Moscow: [s.n.].

23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 6. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 97. (In Russian).
25. Ishchenko, O.V. (2003) Pravovoe polozhenie sibirskogo studenchestva v nachale XX v. [The legal status of Siberian students in the early twentieth century]. In: Ishchenko, O.V. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov prepodavateley i sotrudnikov filiala Ural'skoy akademii gosudarstvennoy sluzhby v g. Langepase* [Collection of research works of the faculty and staff of the branch of the Ural Academy of State Service in Langepas]. Is. 1. Yekaterinburg: [s.n.], pp. 22–31.

Received: 26 February 2019